

К 150-летию М. М. Пришвина

Олег ТРУШИН

«ОТ СКУКИ... И СТАЛ ПИСАТЬ»

«Душа человека похожа на море: вечная буря на поверхности, и в глубине тишина. Как бы я рад был уйти от бурь в тишину, но там, в глубине, и темно, и воздуха нет. Нечего делать! Приходится бурю принять».

Это высказывание принадлежит русскому писателю, чье имя на устах у каждого из нас еще со времен детства. Да и вообще, вряд ли можно встретить того, кто на вопрос: «А знаете ли вы Михаила Пришвина?» — ответил бы молчанием. Не знать имя этого писателя является признаком не только плохого тона, но и невежества к отечественной литературе.

Последние годы своей жизни Михаил Михайлович Пришвин жил в писательском доме в Лаврушинском переулке в Москве, в трехкомнатной квартире на шестом этаже, которую ему выделил Литературный фонд в 1937 году. А вот с первым весенним теплом, на все лето до поздней осени, оседал в деревеньке Дунино, под Звенигородом, на берегу Москвы-реки, в небольшом, но очень уютном домике, который приобрел в 1946 году за пятьдесят тысяч послевоенных рублей, найдя его при покупке совершенно полуразрушенным.

Пришвин любил фотографироваться.

Многим знакома удивительная фотография, сделанная Валерией Дмитриевной Пришвиной — второй супругой писателя в дунинском доме. В открытом окне дома сам Михаил Михайлович и его любимец сеттер Жалька. Взгляды обоих сосредоточены. Словно оба с минуты на минуту, оставив дом, уйдут «в поле» на перепелиную вечерку. Однажды, находясь в усадьбе, я все пытался определить, в котором из окошек сделана эта фотография. Для себя обнаружил: в том, что рядом с верандой, сбоку.

Олег Дмитриевич Трушин родился в 1969 году в г. Шатура Московской области. Окончил Государственный социально-гуманитарный университет (исторический, психологический, юридический факультеты). Прозаик, член Союза писателей России и Союза писателей Союзного государства. Автор более 1500 работ (повести, рассказы, очерки, эссе, статьи) об истории, культурном наследии, природе России. Публиковался в журналах «Живописная Россия», «Юность», «Отчий дом», «Юный натуралист», «Детская роман-газета», «Родовое имяние». Автор 18 книг, в том числе книги «Федор Абрамов» (М.: Молодая гвардия, 2021). Лауреат многих международных и российских литературных премий, в том числе премии Центрального федерального округа РФ в области литературы и искусства, Литературной премии им. М. Пришвина, Литературной премии им. А. Н. Толстого. Живет и работает в г. Шатура Московской области.

«Я пишу для тех, — укажет Пришвин в своем дневнике, — кто чувствует поэзию пролетающих мгновений повседневной жизни и страдает оттого, что сам не в силах схватить их»¹. Как верно сказано!

И в Дунино эти мгновения жизни ощущались Пришвиным особенно ярко. Он любил свободу. Любил свободу души и мысли. И этим жил.

Природа есть начало всему земному творению. Пение птиц и красоты осеннего леса, изящество северного сияния и зелень нежного изумруда первотравья, близна выстуженных морозами снегов и легкость первой волны после шторма на лесном озере... Удивительные частички земного бытия, благодаря которым мы воспринимаем в полном объеме тот мир природы, который окружает нас в определенный момент. И познание этого мира начинается человеком с первых минут жизни, с созерцания света и образа матери. И чем больше взрослеет человек, тем ярче и насыщеннее он воспринимает этот мир, при этом начиная понимать и свое место в нем. И чем раньше он ощутит свою принадлежность к миру природы, тем благодатнее воспримет его душа созерцание святости мироздания, тем увереннее посеет он в своем сердце добро и радость от жизни, сострадание к ближнему. Как вызревает колос под солнечным теплом, так и радуется душа при добрых человеческих начинаниях. Благое дело не знает возраста! И в этом деле слову отведена первостепенная роль!

В свое время мастер лирической прозы Константин Паустовский, впрочем, заядлый рыбак от рождения до тризны, обращаясь к своим ученикам по Литинституту, отметил такой фразой: «Я верю, что мои ученики не используют литературу как средство наживы или достижения карьеры, верю, что для них литература всегда будет делом жизни». Именно в такую степень доверия и возведено творчество всех писателей-натуралистов, целью которых является показать своим читателям мир природы, изящную радугу ее красок, вовсе не думая о том, в какой степени это отразится на их литературном олимпе. Литература о природе — это прежде всего восторженный диалог автора с читателем, во время которого и рождается та незримая связь единения двух душ. И творчество Михаила Пришвина тут поставлено во главу угла.

О литературе о природе не скажешь в двух словах. Как и сразу не ответишь на вопрос о том, как вообще рождается писатель-натуралист. И почему почти все, без малого исключения, писатели-натуралисты — охотники? И Пришвин тут не исключение.

И вообще, что движет охотником, желающим взяться за перо? Какую цель преследует он, дабы отметить в своих чувствах к природе на листе бумаги? Любовь? Сострадание? Истина? Или же все вместе? Или это просто огромное желание поведать другим о своих впечатлениях, о событии, приключившемся с ним?

В конце февраля, на сломе зимы, когда год начинает засматриваться на лето, на самом пороге новой весны, случаются такие удивительные деньки, когда уставшая от мглистого серого неба природа вдруг выкатит солнце, что пробьет лучами ненастье, взглянет на землю всей своей красотой, обласкав живительным светом прозябшие снега, словно в зеркало, посмотрится в них.

И от этой яркости, и от этой игры солнечных лучей ай как заслепит глаза, сладко смежит веки и благодатной истомой пробежит в сознании мысль о скорой весне, о тепле, о котором соскучилось все живое. И как ни стараешься взглянуть на всю эту дивную игру света — не получается, отвыкли глаза от такой яркости.

А солнечные лучи, балуясь тенями, что тянутся от стволов деревьев, еще видящих зимние сны, ноздрят белое покрывало на открытых местах, и тетерев-косач, разомлев от ясного дня, забормочет на полевой закрайке, усевшись в крону кудрявой березки.

¹ Пришвин М. М. Собрание соч.: В 8 т. М., 1982. Т. 2. С. 450.

И пируэты черных как смоль воронов в свадебном карнавале, и лай загулявших лисиц, что донесется с дальней полевой опушки, и суета белобоких сорок на старой, разодранной черным дятлом-желной ели — все это праздник торжества солнца!

Даже большой пестрый дятел, репетируя песню весны, на всю округу так вдарит по сушине, что весь лес очнется, вздрогнет от этой нехитрой, но очень громкой песни. И ему ответит другой, третий... И вот он — барабанный оркестр!

И поползень — погонщик весны, сползая головой вниз по стволу застаревшей сосны, — затянет свою песенку на весенний лад. И большая синица, напившись водицы из первой малой снеговой лужицы, что пробилла капель у крыльца дома, споет одно-другое коленце немудреной, но очень задорной песенки, на которую зимой и не разыгралась бы душа.

И на какие-то часы забудет птичья мелюзга о притороченной к ореховому суку кормушке, и гомонящее воробьиное братство — стайка в десяток птах, ласкаясь в солнечных лучах, — расшумится в суете, словно пчелиный рой на вылете в жаркий июньский полдень. Надо же, и они весну своей малой душонкой почувствовали. Радуются! И беличья посорка в еловом чашельнике указывает на то, что в природе наступает особая пора, что находит отклик во всем живом.

Солнце весну объявило! Весна света! И за ней непременно последует «весна воды» и «весна травы»... И вместе со всем этим природным оживлением новой весны человек справит и свою, новую весну, новую весну своей жизни.

И вот уже многие десятилетия встречая «весну света», мы называем это время именно так, подчас вовсе не задумываясь о том, что это определение нам подарил писатель — Михаил Пришвин. Подарил на радость, на счастье! «Я спас и вынес людям весну света», — напишет он в своем дневнике.

Пришвинская «весна света» — это то время, когда до деньков, что изобразил на своей картине Саврасов «Грачи прилетели», не такой уж и долгий срок. И все же Пришвин смог увидеть то, мимо чего многие писатели-природолюбцы прошли стороной. Он как бы в уже известном всем времени года отыскал и подчеркнул ту особинку, главную составляющую в ее сезонной палитре красок. Солнечный свет в эту пору — все-голова!

Пришвин как ответственный фенолог наблюдал свою «весну света» не только словом, но и фотоаппаратом, от года к году, когда была такая возможность, запечатлевал ее краски на карточках. Черно-белых. Матовых и глянцевых. Но играющих светом и тенями так, как они есть на природе. Вот и «улыбается» нам ныне пришвинская «весна света» с многочисленных фотоснимков, выполненных Великим созерцателем природы, открывшим ее нам.

Всю свою жизнь Михаил Михайлович Пришвин искал гармонию человека в природе. Искал настойчиво и трепетно, не поддаваясь на искусы противоречий, пытаясь соединить мир человека и природы в единое целое. Его размышление о предназначении человека на земле глубоко пронизаны собственными философскими изысканиями. «Я хочу изобразить нашу природу с животными, растениями в живой связи между собой, как великий Дом человека», — выскажется Пришвин однажды.

Вечные вопросы бытия, любви, религии волновали Пришвина до самого последнего его земного часа. Он тянулся в мир природы, от которого человек, окружая себя плодами цивилизации, отдалялся, совершенно забывая о том, что он есть всего лишь миг во всем масштабе мироздания. «Мы в природе, — торжественно укажет Пришвин в одной из дневниковых записей, — соприкасаемся с творчеством жизни и соучаствуем в нем, присоединяя к природе прирожденное нам чувство гармонии. Все это какое-то чистое и единственное человеческое чувство и мысль, соприкасаясь с приро-

дой, — вспыхивает, оживает; сам человек встает весь — происходит какое-то восстановление нарушенной гармонии».

Константин Паустовский, искренне любивший и ценивший своего старшего друга (Пришвину Константин Георгиевич годился в сыновья — разница в возрасте 19 лет!) в своей знаменитой «Золотой розе», написанной на рижском взморье в доме писателей «Дубулты», в котором, к слову, Михаил Михайлович никогда не жила, предпочитая север и среднюю полосу России, напишет такие потрясающие строки: «Я уверен, что для полного овладения русским языком, для того чтобы не потерять чувство этого языка, нужно не только постоянное общение с простыми русскими людьми, но также общение с пахотами и лесами, водами, старыми ивами, с пересвистом птиц и с каждым цветком, что кивает головой из-под куста лещины». Без всякого сомнения, для Пришвина любовь к природе и к русскому языку были столь неразделимы, как понятие открытой им «весны света», где тепло солнечного света рождает новую весну. Это был его воздух, и Пришвин дышал им полной грудью, давая свободу своему внутреннему миру.

Пришвин был аскетом. Кто сомневается, тот пусть почитает его дневники, которые как только душеполезным чтением и назвать более нельзя.

Его самодисциплина в постижении духовных ценностей путем сближения с природой — это есть кредо всей его жизни, и, может быть, поэтому говорить о Пришвине не так то просто. С одной стороны, как писатель-фенолог он словно растворился в природе, в ее явлениях и образах. С другой — как писатель, автор больших литературных форм — повестей и романов — он предстает перед своими читателями как свидетель эпохи, в которой он жил.

А еще он — философ и мудрец, ищущий диалога с читателями посредством дневников, и, словно присутствуя среди нас, живущих ныне, раскрывает нам глубину мира, его составляющую, пытаясь помочь понять этот мир, его стихию, словно давая возможность в море лугового разнотравья разыскать тот единственный и неповторимый цветок, что своим изяществом согреет душу.

Александр Николаевич Стрижев, писатель-фенолог, последователь пришвинской школы в русской литературе, писал, что «мир Божий велик и благолепен. Его понять существу земнородному — человеку по силам лишь отчасти, да и то, что доступно и познаваемо, поведает ему о нескончаемой мудрости замысла Творца, непрестанно пекущегося о мире. Гармония, красота и благо торжествуют во всех творениях по воле Сущего. И во славу Господню человеку раскрыта сокровищница природы всюду по белу свету, от восхода до заката, а златотканая риза неба и во тьме ликует торжеством. Поистине прекрасен Господин мир, животворящ!»²

И Пришвин, сумев раскрыть для себя духовную суть природы, всю свою жизнь посредством слова старался как можно сильнее распахнуть эту дверь в мир земной красоты, в мир прекрасного, постоянно напоминая своим читателям, что человек всего лишь частичка в этом великом мире, живущий в нем во славу Божию. И если следовать высказыванию Константина Паустовского, то «если бы природа могла чувствовать благодарность к человеку за то, что он проник в ее тайную жизнь и воспел ее красоту, то прежде всего эта благодарность выпала бы на долю писателя Михаила Пришвина».

Земной век Михаила Пришвина — на один год меньше Льва Толстого и без малого почти на два десятилетия больше Ивана Тургенева. 81 год, и из них 52, если принимать во внимание работу в качестве корреспондента в ряде газет, на литературную деятельность. Чуть больше полувека в литературе — срок приличный.

² Цевница. Усадебная лира. 1790–1820 / Сост. А. Н. Стрижев, М. А. Бирюкова. — Тобольск: ТРОБФ «Возрождение Тобольска», 2017. С. 205.

Да, Пришвин ворвался в литературу молниеносно, подобно потоку бурной реки, переполненной вешними водами, ломающими льды, не видя для себя иного пути.

Побитый судьбой, испытанный временем, успевший поучаствовать в политических баталиях, наградой за которые была одиночная тюремная камера сроком на целый год, примерявший на себя учения хлыстов и членство в партии правых эсеров, побывавший в качестве делегата Временного комитета Государственной думы, да и много еще чего, он все же сумел вырваться из всего этого плена и, как оказалось впоследствии, этим действительно спас себя.

На излете жизни, за несколько месяцев до кончины в его дневнике появятся такие строки, обращенные к самому себе: «Боже мой! Как нелегко жилось, как удалось уцелеть! И я хочу все-таки в автобиографии представить жизнь эту, как счастливую. И сделаю это, потому что касался в творчестве природы и знал, что жизнь есть счастье».

Пришедший в русскую литературу в Серебряный век ее расцвета, Пришвин к концу своей жизни стал воплощением целого направления в ней, навсегда связав свое имя с темой прославления природы и человека как ее наивысшего создания.

В своих долгое время остававшихся тайных дневниках Михаил Пришвин не только, если можно так сказать, оправдывал время, но и останавливал его, давая возможность будущим поколениям открыть действительность тех лет, в которых довелось жить автору.

Природа стала для Пришвина не только олицетворением собственного внутреннего состояния, счастья бытия, но и той самой завесой, которой можно было отгородиться от чуждого мира.

Ухватившись за золотую нить Волшебного Колобка, под крылом Синей птицы Счастья, озаренный безмерной любовью к природе и странствиям Михаил Пришвин смог заглянуть в такие потаенные уголки лесного царства, что навсегда окутали его образ тайной восприятия как писателя-натуралиста, умеющего говорить с природой на ее языке.

В любви к природе открылось богатство пришвинского языка — мастера пейзажа и созерцателя даже самых малых явлений в природе, от которых у него захватывало дух. Пришвин мог дать литературную жизнь самому малому сюжету, подаренному природой, напитав его чувством благородства и сострадания к живому. Будь то это маленькие птички-гаечки из рассказа-крохотки «Гаечки» или же повествование об анютиных глазках из цикла «Лесная капель».

Пришвинский литературный слог не просто будит у читателя воображение действительности, он как бы вливается в душу живительным эликсиром созерцания, очищает ее от всех шлаков, занесенных в ее среду цивилизацией, заставляя подумать о самом ценном, земном — единении с природой.

В произведениях Пришвина трогательная простота и глубокое смирение перед миром природы, именно то, что губительно сказывается на человеческом эгоизме, который в нашем столь «цивилизованном» обществе отвоевал для себя огромный простор в людских душах.

Писать о природе для Пришвина было радостью. И эта радость была с ним большую часть прожитой им жизни. Так, 4 ноября 1943 года он исповедально запишет в своем дневнике: «<...> Я вспомнил всего себя, как писателя: именно, что я все свои 40 лет писательства писал о радости. Знаю, и всегда это знал, и терзался, что меньше, много меньше давал, чем дано мне, но теперь ясно мне было, что, может быть, в этом я единственный писатель, и что быть таким очень трудно...» И в этом Михаил Михайлович был прав.

23 октября 1943 года писатель-фенолог Дмитрий Павлович Зуев, некогда весьма знаменитая личность в писательских кругах не только Москвы и Ленинграда, но и российской «провинции», близко знавший Пришвина, коленапоклоненно писал ему в письме в Переславль-Залесский³: «Здравствуйте, дорогой Михаил Михайлович! <...> Сегодня с Силычем⁴ буду проезжать город-музей древней Руси мимо Вашей резиденции. Чувство трепета охватывает меня заранее сейчас при посадке в машину, которая пройдет у переславского вала — памятника старины и былой русской славы. Хорошо лишний раз вспомнить по этому поводу, что в нас бьется русское сердце. Для подъема настроения путника это очень много значит, но для меня это еще не все. Вдобавок меня горячит предчувствие пылкой взволнованности от трогательного сознания, что авто промчит меня по современному олимпу. Бог моего искусства живет здесь на горе-усадьбе Ботик. На седых камнях предков. Здравствует поныне человек, ставший гордостью всех, читающих по-русски. Первый из первых мастеров — художников русского слова. Как читатель я благоговею перед каждой пришвинской строчкой, всегда необычайной, как откровение епископа⁵.

Со мной мой Голланд-Голланд и мне стрелку не безразлично проезжать по этим вожделенным местам культа Нимрода⁶. Вот она где ставка маститого патриарха русских охотников. Воскликну я также, как искренно выразился я в печати еще в 1934 году, когда в этот сан не избирали.

Примите же, дорогой Михаил Михайлович с дороги мой привет с любовью земной поклон и поздравление с наградой правительства. Здоровья, долголетия, неугасимо юнеющего духа и прозорливо творческого горения и пыла желаю Вам от всей души, неизменно бесконечно Вам преданный <...> Дм. Зуев⁷.

Конечно, Дмитрий Павлович в своем письме слишком сгустил краски своего страстного обожания личности адресата. На то были определенные причины. И все же под таким письмом Зуева могла подписаться огромная масса почитателей литературного таланта Михаила Михайловича — Пришвин из тех авторов, которого читаешь не только мыслью, но и сердцем. Впрочем, и эту точку зрения разделяли отнюдь не все. Но об этом чуть позже.

Удивительно, но Пришвина-писателя совершенно нельзя представить молодым. Его образ эдакого бородатого старца из «Корабельной чащи», или мудрого лесовика, что живет в «Краю непуганых птиц», или же уставшего старичка путника, бредущего с котомкой «Осударевой дорогой» «за волшебным колобком» в поисках «Кладовой солнца», настолько всосался в читательское сознание, что иной внешности автора «Весны света» представить уже не дано. Произведения, созданные Пришвиным, поневоле вылепили его образ в читательском сознании, окутав его тайной и обаянием. И действительно, было в облике Пришвина что-то особенное, подчас не поддающееся простому определению писателя-натуралиста, что ставило его на особую ступень в ряду тех, кто питал свое слово в общении с природой. Даже быль о своем детстве, отрочестве и ранней юности, рассказанное им в повести «Курымушка», Пришвин сделал сказкой, такой изящной, что подвластно лишь истинному сказителю. Впрочем, он и был таковым. Превращая быль в сказ, заставляя своих читателей поверить в невероятное, в то, что они в суете будней вряд ли бы сами заметили в природе.

³ В октябре 1941 года М. М. Пришвин эвакуировался из Москвы в Переславль-Залесский, вначале на «Ботик Петра», а затем в село Усолье.

⁴ Алексей Силыч Новиков-Прибой — писатель-маринист.

⁵ Епископ — одна из канонических книг Ветхого Завета.

⁶ Нимрод — в легендах Ближнего Востока герой, воитель-охотник.

⁷ РГАЛИ. Ф. 1125, оп. 2, ед. хр. 1038. Публикуется впервые.

Александр Андреев в своем романе «Есенин» таким рисует облик Пришвина во время его встречи с Сергеем Есениным в Петрограде осенью 1914-го — 1915 года. «Вскоре пришел Пришвин. Он показался Есенину старше своих сорока лет, вероятно, из-за бороды, очень густой и спутанной, по-деревенски давно не стриженной, и круглых окуляров, за которыми лучились добрые и умные глаза. Что-то было в Пришвине от русского лешего и от древнегреческого Пана: жизнелюбие, доброта, мудрость»⁸.

Напомним, что Пришвину было в это время действительно чуть за сорок и в его писательском багаже было не так уж и много написанного: пара повестей, газетные очерки и самое первое его весьма нелитературное произведение, вышедшее в свет в 1904 году, — «Картофель в полевой и огородной культуре», ставшее единственным в своем роде сельскохозяйственным наставлением Пришвина-агронома своим читателям.

В 1905 году, забросив свою агрономическую деятельность, Пришвин устремляется в большое путешествие на север, благодаря которому и родилась повесть «В краю непуганых птиц», положившая начало писательской биографии Михаила Михайловича.

Север, ты, север! Просторы, северное сияние, ощущение свободы и воли. Сколько талантов ты открыл! Скольких обласкал добрым напутствием в мир прекрасного! Михайло Ломоносов, Борис Шергин, Степан Писахов, Федор Абрамов, Юрий Казаков... Кстати, последний о севере писал так: «Нет! Не ездите вы на Север, не губите себя! Вся жизнь тогда не будет он давать вам покоя, всю жизнь будет... манить к себе».

В огромной степени именно Русский Север, Карелия открыли писателя Михаила Пришвина.

Петр Михайлович Пришвин, младший сын писателя, в своей книге воспоминаний об отце «Предо мной часто встает образ отца...» приводит одно крохотное стихотворение-каламбур, написанное в 20-х годах XX века каким-то неизвестным московским стихотворцем о Пришвине, но очень четко уловившим литературный почерк писателя: «Родом из Ельца, / Вырос в доме купца. / Известный прозаик, / Пишет про заек».

Талант любого писателя прописан в его детстве. В детстве талант укореняется, чтобы уже потом, во взрослом состоянии человека дать долгожданные плоды.

Раннее детство, о котором человек помнит только со слов родителей, похоже на сказку. Оно всегда таинственно и в большей степени погружено в неизвестность. Более позднее — неизменно обличено в радость. И эта радость в первую очередь от того антуража, что окружает детство. И природа тут в фаворе. Природа воспитывает в юной душе благодать созерцания красок. С годами это восприятие трансформируется в память счастливого детства. И это вновь начинает походить на сказку.

Недаром автобиографический роман Пришвина «Осударева дорога» есть роман-сказка. Так определил его сам Михаил Михайлович. Мы так же можем сказать и о «Кашеевой цепи». Память о детстве проросла в слово! Впрочем, таковой, родом из детства, будет и «Кашеева цепь» — роман, который так и останется незаконченным.

Детство Пришвина прописано на Орловщине.

На этой земле и есть корни его литературного дарования.

Родился Михаил Михайлович Пришвин 4 февраля (23 января по старому стилю) в день Тимофея — полузимника, что «рубит» зиму пополам, «подталкивая» ее крепкими морозами, тем самым как бы ото дня ко дню прогоняя ее с природного календаря.

⁸ Пришвин П. М. Предо мной часто встает образ отца... Воспоминания о М. М. Пришвине. Н.: Нон-парел, 2009. С. 79

О Тимофее-дне в народе так и говорили в старину: «На Тимофея ползимы уже позади», «Тимофеевский мороз ползимы с собой унес». А год тогда был — 1873-й.

Его колыбелью детства стал отцовский дом в усадьбе Хрущево в Елецком уезде Орловской губернии.

Как писал сам Михаил Михайлович в романе «Кашеева цепь»: «<...> Хрущево представляло собой не большую деревеньку с соломенными крышами и земляными полами. Рядом с деревней, разделенная невысоким валом, была усадьба помещика, рядом с усадьбой-церковь, рядом с церковью — „Поповка“, где жили священники, дьякон и псаломщик».

Татьяна Ильинична Игнатова-Коншина, доводившаяся Михаилу Михайловичу двоюродной племянницей по материнской линии, о усадьбе Пришвиных вспоминала так: «Большой двухэтажный дом стоял между садом и огромным двором, по сторонам которого полукругом тянулись служебные постройки — конюшни, амбары, сарай, погреб, дома для служащих. В тенистом парке старая липовая аллея вела от террасы к пруду, другая, еловая — к усаженной розами горке с беседкой наверху. Замечательный вишневый и яблоневый сад были известны в округе»⁹.

Образ природы, окружавшей усадьбу, Пришвин будет хранить в своей памяти всю жизнь.

И уже в зрелые годы, «сошедши» по ступенькам памяти в далекую пору своего детства, Пришвин напишет о той самой липовой аллее, «что разгуливали по ней краснозобые снегири, зяблики, и заяц тихо приковыляет».

Впрочем, именно с зайца, сидящего в липовой аллее, и начинается автобиографический роман «Кашеева цепь». Вспомним на этот счет уже упомянутое стихотворение.

Ныне того усадебного родового дома Пришвиных, в котором родился первооткрыватель «весны света», давно уже нет. Он канул в Лету еще при жизни Пришвина. Судьбы помещичьих усадеб в годы революционных бурь конца второго десятилетия XX века как две капли воды похожи друг на друга.

Достаточно помянуть, что в 1918 году не устояла в Михайловском усадьба Пушкина: крестьяне смели и ее, проще говоря, сожгли. Что уж тут говорить о пришвинской!

Впрочем, родительский дом Михаил Пришвин мог потерять куда значительно раньше. Его отец, Михаил Дмитриевич Пришвин, страшный картежник, охотник, лошадиник — душа Елецкого купеческого клуба, проигравшись, заложил усадьбу за долги и сам, когда его сыну Михаилу было всего лишь семь лет, скончался. Лишь благодаря усилиям матери писателя Марии Ивановны Игнатьевой, которую в семье звали «Маркизой», погасившей мужнины долги, усадьбу удалось отстоять. После ее смерти в 1914 году родовой дом был поделен между детьми, и Михаил Михайлович даже успел на отведенном ему усадебном земельном участке заняться постройкой собственного дома.

С годами память о родительском доме Пришвин как бы трансформирует в некоторую пространственную философскую категорию, навсегда для самого себя определив созерцание ее в мире природы. «Тот маленький дом, — укажет Пришвин в своих дневниках, — в котором мы рождаемся, разрушается со временем, как и гнездо у птиц: птицы вылетают на большой простор, предоставляя гнездо дождям и бурям, а человек должен непременно достигнуть такого простора, чтобы тело свое почувствовать вместе со своей землей, ее воздухом, светом, водой, огнем и всем населением, как свой собственный дом».

⁹ Коншина Т. И. В Хрущеве. Личное дело Михаила Михайловича Пришвина: Воспоминания современников. Война. Наш дом / Сост., вступ. ст., коммент. Л. А. Рязанова и Я. З. Гришиной. СПб.: ООО «Издательство „Росток“», 2005. С. 9.

Так, память о родительском доме, о детстве Пришвин переселил в дорогой ему мир природы, проводником в который ему станут таинственные отцовские «голубые бобры».

«Голубые бобры» — подарок отца. Он нарисовал их всего лишь за несколько часов до смерти. Отец «хорошо рисовал, — напишет Пришвин в „Курымушке“, — одним движением сделал на бумаге каких-то необыкновенных животных в елочках и подписал: голубые бобры».

И в биографии Пришвина эти самые «голубые бобры» выглядят пророчеством, меткой судьбы, наставлением. Понимал ли это тогда семилетний Миша Пришвин? Вряд ли! Но запомнил на всю жизнь. «Я был еще совсем маленьким, когда умер мой отец, и до того еще был неразумным, что событие смерти отца¹⁰ <...> не переживал глубоко. Если теперь говорю, что жалею отца, то не его именно жалею, а того отца, кто мог бы своим вниманием указать мне в жизни истинный путь»¹¹.

О «голубых бобрах» Пришвин-писатель вспомнит не единожды. И когда будет сочинять свою «Весну света», и в «Лесной капели», и, конечно же, будет держать в памяти, когда будет создавать свою знаменитую повесть «Серая сова».

В одной из дневниковых записей Пришвин укажет: «Память художника похожа на ожоги живой души вследствие быстроты движения». «Голубые бобры» станут тем самым ожогом, полученным в детстве, зарубцеваться которому не поможет и время.

Удивительно, но ведь даже в детском прозвище Курымушка, которым нарекли маленького Мишу Пришвина (по преданию, в усадьбе было огромное кресло под названием «курым», на котором якобы и родился М. Пришвин), слышится не иначе как «Журавлиная родина», курлыкание удаляющегося вдаль за горизонт журавлиного косяка. И это легкое «Курымушка» так крепко прицепилось к настоящему имени, что и сам Пришвин спустя годы определит его как название главы своей автобиографической вещи «Кашеева цепь», как бы соединив в романе быль и сказку, навсегда сроднившись с детством.

«Сколько пришлось пережить, что как посмотришь на себя тех времен до войны, до революции, — не я, а бедное дитя блуждает там где-то в мареве», — отметит Пришвин в своем дневнике 20 июля 1915 года. А ведь эти строки были написаны Михаилом Михайловичем тогда, когда за его плечами была уже ровно половина прожитой им жизни и уже далеким миражом казались годы учебы в Елецкой мужской гимназии и Тюменском реальном училище, студии Рижского политехникума и обучение в Лейпцигском университете, увлечение марксизмом и членство в Религиозно-философском обществе, а еще и работа корреспондентом на фронтах Первой мировой войны. И занятие литературой, которой, по его же выражению, он начал заниматься от скуки, больше представлялось как питание собственного духа, разогретого многочисленными путешествиями. Пришвин был неугомонным путешественником, и все его произведения, может быть за очень малым исключением, были рождены странствиями по стране. В этом он находил гармонию своему творчеству.

«Я отдал свою молодость смутным скитаниям по человеческим поручениям и только в тридцатилетнем возрасте стал писать и тем устраивать свой внутренний дом», — и это пришевское откровение для него самого станет открытием. Осуждение прожитых лет и понимание их неизбежности. А иначе не стал бы писателем! Шатание от края к краю своей судьбы и наконец-то наступившее понимание сущности своего предназначения.

«Моя литература — это моя собственная жизнь» — точное пришевское определение о своей собственной литературной судьбе. Он сумел увидеть свое собственное

¹⁰ Пришвин М. М. Собрание соч.: В 8 т.. М., 1982. Т. 2. С. 12.

¹¹ Там же. С. 13.

отражение в мире природы и человечества, разгадать, что все в нашем мире и даже отношения между людьми есть часть огромной Вселенной, постичь которую не суждено. «Я соприкасаюсь своей личной жизнью с жизнью всего мира и записываю это сопереживание, как путешественник видит новое, удивляется и записывает». И этому пришевскому высказыванию трудно возразить, опровергнуть его. Возьмите и прочтите любое из произведений Михаила Михайловича, и вы увидите в зазеркалье каждого из них отображение самого автора — путешественника в жизнь.

Пришвин сам вырастил в себе писателя, вырастил своим мировоззрением, своим отношением к бытию, созерцанием своей собственной идеи миропонимания. Пришвин поднял литературное слово к солнечному свету, согрел его теплыми лучами и отогрел тем самым души многих своих почитателей.

А еще занятие литературой не только позволило Пришвину сблизиться с природой, но и преодолеть собственное одиночество, которое на определенном этапе его жизни едва не взяло верх. «Когда я открыл в себе способность писать, я так обрадовался этому, что потом долго был убежден, будто нашел для каждого несчастного одинокого человека выход в люди, в свет», — запишет он в своем дневнике.

И еще.

«Мы в природе соприкасаемся с творчеством жизни и соучаствуем в нем, присоединяя к природе прирожденное нам чувство гармонии. Все это — какое-то чистое и единственное человеческое чувство и мысль, соприкасаясь с природой, — вспыхивает, оживает; сам человек встает весь — происходит какое-то восстановление нарушенной гармонии», — убежденно писал в своем дневнике Михаил Михайлович, тая долгое время от своих читателей самый главный труд всей своей жизни, в котором природа и человек представляли в едином целом и где зло всегда побеждалось.

Конечно, Пришвин писал не только про заек, да и вообще не только о природе.

Во всем литературном наследии Пришвина трудно отметить какую-либо вещь, которая была бы по-особенному близка автору. Близко все! Но дневникам в этом случае особый приоритет!

Для Пришвина потребность в дневниках это не просто желание сохранить в слове философию своего внутреннего состояния, свое восприятие действительности, но и жажда диалога, диалога с самим собой, со своей душой и сердцем. Дневник был глубиной его души, сидя над страницами которого можно насладиться созерцанием прошедшего времени. В нем можно было «лететь» по прямой, не думая о том, что тебя может что-то остановить, как того жука из сочиненной писателем притчи. «Пригвожденный жук. Большой навозный, с черным отливом, жук пустился летать по прямой, развивая большую скорость. С разлету он напоролся на колючую проволоку. Он остался на проволоке, умоляя всеми лапами о помощи. Я снял его и отпустил, сказал: „Не летай, дурак, напрямик“»¹².

Его глубоко философские писания, потаенно хранимые при жизни да и долгое время после его кончины в огромном деревянном сундуке, увидели свет далеко не сразу. В 1960 году в Вологде вышла книга «Незабудки», куда вошли дневниковые записи разных лет, бережно отобранные Валерией Дмитриевной Пришвиной — второй супругой писателя. «Милый друг, если ты переживешь меня, собери из листков моих букет, и книжку назови „Незабудки“». Эта пришевская просьба, начертанная им в дневнике, будет обращена именно к ней. И она исполнит ее.

А спустя почти сорок лет с того момента, как Пришвин окончил свой земной срок, начнется публикация всех его дневников, написанных им за полвека своей жизни.

¹² Пришвин М. М. Незабудки. Вологда: Вологодское книжное издательство, 1960. С. 84.

И все же удерживаемый в рамках писателя-натуралиста долгие годы Пришвин предстал перед читателями в первую очередь не иначе как детский писатель, а его увлечение охотой, наложив и в этом свой отпечаток на творчество, сблизило его с охотничьей средой, в которой он был, без всякого сомнения, своим.

Первая публикация пришивинских дневников, как полагается, с купюрами для того времени, состоялась в 1940 году по инициативе самого Михаила Михайловича. Тогда книга дневниковых выжимок получила изысканное название «Лесная капель». Пришвин ушел от всяких философских изысков в названии издания, тем самым придав ему вполне нейтральное имя, не вызывающее никаких кривотолков. Впрочем, они, вероятнее всего, были, но Пришвин обошел их «стороной» — его творчество в писательской среде всегда было предметом зависти у коллег.

Желание опубликовать что-то из дневниковых записей пришло к Пришвину уже на склоне лет. Возможно, это была потребность души, желание диалога с читателем. Дать возможность читателю глянуть в зеркало авторской души и увидеть там самого себя.

И на момент издания «Лесной капели» никто не мог предположить, что все напечатанное в книге есть всего лишь малая часть от тех душевных изысканий, что хранились в литературных запасниках автора. До полной публикации дневников пройдет еще более тридцати лет.

Дневники запечатлели судьбу писателя. В них опыт прожитой жизни, повороты мысли, встречи с людьми. А еще загадка личности. Загадка, которую он сам загадал самому себе еще в детстве.

«С самого раннего детства, — напишет Пришвин в предисловии к „Осударевой дорожке“, — мой внутренний мир разделился надвое: один мир — это все, что мне самому хочется, другой мир, который больше меня, больше того, что мне самому хочется и что для меня выступает как „надо“: надо и надо, а не то, что я сам хочу. Очень рано это самое „надо“ пробудилось во мне как требование матери моей: чего-то я сам хочу и что-то требует мать. <...> Я родился с верой в какой-то лучший мир, чем где я живу, в какую-то страну, лучшую, чем наша, с уверенностью, что если сильно захотелось, то ее можно открыть всем и даже так, что долг каждого из нас открыть для всех эту свою страну.

Еще девяти лет я пробовал из гимназии убежать в эту страну, и не я один был такой, а одно время гимназисты массами бежали. После моей неудачной попытки вера моя не умерла, а попала в положение семени, переживающего в земле зиму, чтобы раскрыться весной». Для Пришвина его дневники и были той самой весной жизни, в тепле которой он и взращивал то самое семя своей детской мечты.

И уже из всего сказанного о творчестве Михаила Пришвина скажем — был ли он открытым писателем? И да и нет! Как писатель, в котором жило детство, то — да! Как писатель-философ, то — нет! Он был верен избранному пути — его реализм прозы то и дело наталкивался на внутренние противоречия собственного видения мира. В этом и есть особенность писателя Михаила Пришвина. В этом и заключается его мастерство литератора, поэта в прозе. Пришвин в своем творчестве не похож ни на одного писателя. У Пришвина не было учителей и предшественников. Но остались последователи.

29 августа 1949 года, находясь в Дунине, Пришвин напишет письмо Константину Паустовскому. Напишет — и не отправит. Спустя время Валерия Дмитриевна по собственному почину передаст это письмо назначенному в нем адресату.

В нем будет следующее:

«Дорогой Константин Георгиевич, мне случилось на днях прочесть Вашу книгу «Новые рассказы» и мне эти рассказы так пришились по сердцу, что я решил это Вам

сказать. Первое, — мне дорого, что Вы являетесь настоящим поэтом и еще больше: поэтом, распятым на кресте прозы. Второе, — сюжет у Вас выходит сам, а не торчит вне Вас, как прием ремесленника для привлечения масс. Это диво, написать по шпаргалке, ты напиши, как Чехов „Степь“ написал, — никакого сюжета, а как хорошо! У Вас это есть: я читаю Ваши рассказы, вкушал слово за словом, потому что рассказы Ваши есть песни Вашей души, а из песни слова не выкинешь. И, наконец, в Ваших рассказах я чувствую народность в моем понимании русского народа. Я так понимаю, что народ наш, как, может быть, великий народ, в существе своем таит идеал целомудрия. Но только настоящему поэту доступно это целомудрие, потому что для общего слуха от нашего народа долетает только его безобразная ругань. Есть писатели, выставляющие скотский цинизм в отношении любви, как свидетельство своей народности... Увы! Есть и такие... Но Вы, подобно Чехову, являете в своем творчестве истинно народное, целомудренное ощущение действительности.

Много есть в Ваших рассказах чего-то подобного живице, бальзаму хвойных деревьев: я это чувствую по себе, по своим ранам, на которые попадают Ваши слова.

Вашей победе, Вашему торжеству буду радоваться эгоистически потому, что Ваша победа будет и победой моей собственной. Будет с нашим русским языком, как с лесом: срубят все на дрова, на стройматериал, а потом будут насаждать и законом о лесах; так точно будет и с русским словом...»

Письмо осталось Михаилом Михайловичем недописанным. Почему? Это нам неведомо. Но и то, что он успел в нем отразить, напрямую относится и к нему самому.

Однажды Пришвин запишет в дневнике следующее: «Благодарил свою судьбу. Что вошел со своей поэзией в прозу, потому что поэзия может двигать не только прозу, но самую серую жизнь делать солнечной. Этот великий подвиг и несут наши поэты-прозаики, подобные Чехову».

Поэты-прозаики. И Пришвин среди них первый!

Михаила Михайловича Пришвина уже давно нет среди нас, но сила его слова, как свет далекой, погасшей во Вселенной звезды, летит к нам в бесконечности в пространстве и времени, от поколения к поколению, радуя и согревая наши людские души, покуда будет жизнь на Земле.

Спасибо Вам, Михаил Михайлович!